

З ІСТОРИОГРАФІЧНОЇ СПАДЩИНИ

Н. И. Костомаров

Мазепинцы *

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войнаровский.—Его показание и ссылка.—Григорий Герцик.—Его показание и судьба.—Участь прочих малороссиян, содержимых под караулом.—Ссылка в Сибирь семейства Мировичей.—Их освобождение.

Число эмигрантов, упорно не хотевших мириться с царем, редело. Некоторые попались мимо собственной воли в руки царского правосудия.

Такая судьба неожиданно постигла Андрея Войнаровского, племянника по сестре гетмана Мазепы и любимца последнего. Он был арестован в Гамбурге по требованию русского резидента, получившего о том приказ от своего государя. Войнаровский был отправлен в Россию. Его подвергли допросу, но он не объявил ничего важного, тогда как особенно от него надеялись узнать многое: никто не был так близок к Мазепе, как он. По показанию Войнаровского¹ умысел дяди его возник в 1705 году, когда он был с козацким войском близ Дубна и виделся с княгиней Дольскою, матерью по первому браку князей Вишневецких, сродницею Станислава Лещинского. Она-то уговорила его дядю поступить снова в подданство польского короля, прельщала его милостями от Станислава, обещала ему сама выйти за него замуж. С того времени стал Мазепа вести с нею корреспонденцию, и Станислав к нему писал: одно письмо Станиславово нашел Войнаровский по смерти дяди в шкатулке, показывал его Орлику и другим, но не знает, куда оно делось. Войнаровский отозвался незнанием — кто из генеральных особ знал в самом начале о замыслах его дяди, но сообщал, что за несколько дней до того, как государь проезжал через Киев, следуя в Жолкву, у Мазепы в собрании были полковники, и он, Войнаровский, слышал, как дядя его говорил: «Когда б я за вас не стоял, то вас бы уже солдатами сделали!» На то миргородский полковник ** отвечал: «Мы покойного Богдана Хмельницкого благодарим за то, что нас освободил от ляхского ига, а вас будем проклинать, ежели вы за нас стоять не будете и нас погубите!» Более ничего не слышал он ни от дяди, ни от кого другого, — не был он, Войнаровский, допущен в совет их никогда, и не чаает, чтобы кроме Орлика, его креатуры ***, кто о том знал до самого последнего времени, как уже он переезжал из Коропа за Десну в шведскую армию. Войнаровский уверял, что ему, Войнаровскому, неизвестно: объявлял ли его дядя о своем замысле перейти на шведскую сторону заранее тем полковникам, которые с ним перешли за Десну. Это произошло от того, что Войнаровский был тогда в отсутствии: дядя из Салтыковой Девицы посылал его с «компли-

* Продовження. Початок див.: Укр. іст. журн.— 1990.— № 8, 10—12.

¹ Арх. Иностр. Дел, миллеровские бумаги.

** Мається на увазі Данило Павлович Апостол, який обіймав посаду миргородського полковника протягом 1683—1727 рр., до обрання його гетьманом Лівобережної України (1727—1734). Наприкінці 1708 р. відступив від І. Мазепи, брав участь у Полтавській битві, переслідуюванні шведів і мазепинців до Дніпра.

*** Той, хто посідає значне місце завдяки протекції впливової особи і є слухняним виконавцем її волі, ставленик.

ментами» к князю Меншикову, когда Меншиков, после победы, одержанной над Левенгауптом, маршировал с драгунскими полками в Украину. Дядя поручил ему, Войнаровскому, сообщить князю Меншикову, что видеться с ним не может, потому что сам «гораздо болен». Приехавши к князю Меншикову в Горск, Войнаровский послал к дяде известие, что князь желает с гетманом видеться вскоре. Мазепа того же посланного к нему от Войнаровского опять отправил с письмом к Меншикову и приказывал вручить Войнаровскому для передачи князю письма, а изустно приказал, чтоб Войнаровский поскорее уезжал к шведу, так как он получил верное сведение, что Меншиков едет к гетману с тем намерением, чтоб гетмана взять. Войнаровский, услышавши об этом, был в недоумении, на что решаться, отдавать ли князю письма, или немедленно уходить: он сообразил, что дядя его и прежде бывало тревожился, как только услышит, что к нему едет кто-нибудь от царского величества, опасаясь, что его возьмут: и на этот раз Войнаровский, как изъяснял в своем показании, подумал, что дядя его напрасно тревожится, а потому отдал письма Меншикову и, по отдаче писем, послал к дяде человека известить, что Меншиков хочет с ним видеться в воскресенье. Потом, сам не зная что делать, вздумал Войнаровский ехать вслед за тем же посланным к дяде человеком, не простясь с князем. Войнаровский тогда опасался, чтоб кто-нибудь из людей, бывших с ним, узнавши, что он хочет отъезжать, не довел об этом до сведения князя, и князь бы не задержал его безвинно. Войнаровский догнал своего посланного за три мили и вместе с ним доехал до Борзны, а дядя его переехал тогда в этот город. Войнаровский остановился в предместье и послал к дяде о себе известие. У Мазепы готов был обед, но Мазепа, получивши от племянника известие, что Меншиков скоро придет, не стал обедать и наскоро уехал в Батури, а Войнаровскому приказал ехать туда ж, но стороною, так чтобы никто его не видал и не заметил; к Меншикову же гетман отправил полковника Анненкова с «экскузацією»* за своего племянника, чтоб князь не изволил сомневаться по поводу внезапного его отъезда: племянник испугался чего-то, сам не зная чего, и ушел. Прибывши в Батури, дядя его пробыл там только одну ночь и на другой день утром, забравши свои пожитки, уехал в Короп, приказавши ехать вслед за собою всем старшинам и ему, Войнаровскому, но чтоб идти к шведу, тогда не сказывал, да и всю дорогу до Коропа Войнаровский, едучи с дядею, не слышал от него об этом ни слова, а говорил ли дядя о том со старшинами и полковниками — ему, Войнаровскому, неизвестно. На следующий день переправились через Десну. Тут прибыл к гетману Быстрицкий, которого Мазепа послал к шведскому королю, придавши ему капитана из иноземцев в качестве толмача. Быстрицкий проводил гетмана до шведских аванпостов. Там его приняли с почетом. Оттуда гетман поехал в карете; перед каретою, по бокам ее и позади, следовало четыреста человек шведской кавалерии, а в стороне стояло шведское войско, выстроенное в параде. Таким образом, переночевавши одну ночь на шведских аванпостах, приехал гетман к шведскому королю, и король шведский принял «приятно дядю и всех бывших с дядею».

Войнаровский отозвался незнанием: вел ли его дядя с кем корреспонденцию в то время, как находился у шведского короля, с лицами, оставшимися верными царскому величеству, потому что он, Войнаровский, к делам их не был допущен, но знает, что по приходе своем к шведам дядя его неоднократно посылал к Оттоманской Порте и к хану, возбуждая их против царского величества. После Полтавской битвы, когда уже дядя был в Очакове и в Бендерах, имел ли он корреспонденцию с кем-нибудь в Украине, того он не знает, «но чаёт, что

* Тобто: з вибаченнями, виправданням (себе).

не имел, потому что был тогда гораздо болен», да и те, которые при нем тогда находились, отъезжали от него в Яссы. Также Орлик и прочие имели ли с кем в Украине корреспонденцию — того он, Войнаровский, не знает, а слышал только от Орлика, что все они считали опасным писать к своим свойственникам в Украину, чтоб их тем не погубить. По смерти дяди, он, Войнаровский, никакими делами не интересовался и, когда его хотели избрать гетманом, он того чина принять не захотел, от чего откупаясь, дал Орлику триста, а кошевому двести червонных. Был он, Войнаровский, при шведском короле затем, что король шведский по смерти дяди забрал оставшиеся после дяди 240 000 талеров. Войнаровский хотел их от короля получить и отдать их для хранения куда-нибудь в банк, а сам думал просить милости царского величества, и в этих видах не принимал у шведского короля службы. Других денег у него нет. Будучи в Бендерах, он женился на вдове Забелиной, которая теперь живет в Бреславле: при ней нет никакого пожитка. С королем шведским пошли Орлик, Довгополенко, двое Герциков, Мирович и Третьяк. Орлику и иным даны, как он слышал, маетности в Швеции. Сам он, Войнаровский, в Швеции не бывал и, по выезде из Турции, проживал в Вене и Бреславле.

Вместе с допросом Войнаровского, в делах Архива Министерства Иностранных Дел сохранилась на немецком языке челобитная царю Войнаровского в таком смысле: «Я боялся обратиться к царю, страшась его гнева, но когда получил ордер, то добровольно явился к царскому резиденту Беттигеру и отдался ему. Я никогда не был допущен в совет с гетманом; дядя всегда удалял меня из той комнаты, где сходились с ним его адгеренты*; быть может, имея в виду мою юность, он подозревал, что памятуя царские милости, к ним я не пристану. После кончины дяди я не принял гетманского чина и тем навлек на себя нерасположение шведского короля, после того как гетманское достоинство дано было Орлику. Я не чинил ничего противного царскому величеству и оттого в службу шведскую не вступал. При жизни дяди и после его смерти не мог я добиться от шведского короля возвращения моих 240 000 талеров: от меня отделявались только добрыми словами, а между тем, это меня удерживало от исполнения моего постоянного желания просить царского милосердия. Много раз имел я мысль повергнуться к стопам царевича, сына царского**, но не представлялось удобного случая. Надеюсь, что царь великий государь не станет наказывать меня неповинного за грех моего дяди». Царь указал сослать Войнаровского в отдаленные места Сибири. Он был отправлен в Якутск, где и прожил до старости, одичалый и забытый всеми.

В 1720 году достался в руки российского правительства другой из эмигрантов, ушедших из Турции за шведским королем. То был Григорий Герцик. Один из ревностнейших сторонников Станислава Лещинского, Понятовский, неразлучный спутник Карла XII в его изгнании, вместе с ним прибывший в Швецию, по смерти Карла XII*** перебрался в свое польское отечество и взял с собою туда малороссийских эмигрантов Нахимовского и Мировича². За ними вслед поехал туда же Григорий Герцик с поручениями от Орлика, оставшегося тогда еще в Швеции. Царский резидент в Варшаве, князь Григорий Федорович Долгорукий, приказал арестовать Герцика и отправил его в Петербург. Его посадили в Петропавловскую крепость, а 15-го марта 1721 года повезли в коллегию иностранных дел и там, в «публичном

* Слід розуміти: його прибічники, прихильники.

** Мається на увазі російський царевич, старший син Петра I Олексій Петрович (18.II. 1690—26.VI. 1718). Наприкінці 1716 р. він, боячись покарання за участь в опозиції проти царя, втік до Відня, а в травні 1717 р.— до Неаполя. В 1718 р. був заступлений верховним судом до смертної кари.

*** Тобто після 1718 р., бо шведський король Карл XII помер 11.XII. 1718 р. (був убитий під час походу в Норвегію).

² Сенатск. дела Архива Юстиции, кн. № 36—1823, с. 311.

аппартаменте», перед полковником Вельяминовым-Зерновым и пред ассесорами *, Герцик был подвергнут допросу. О начале измены Мазепы этот соумышленник не мог сообщить почти ничего, так как он пристал к Мазепе уже тогда, когда Мазепа находился с шведским королем в Ромнах; о самом себе по отношению к этому времени Герцик сказал только то, что, пребывая с Мазепой и другими соумышленниками в Ромнах, он ради насущных нужд занимался шинковым промыслом, несмотря на то, что свойство его с Орликом (женатым на сестре Герцика) давало право на лучшее место в обществе мазепинцев. После Полтавской битвы Григорий Герцик, вместе с другими своими братьями, Иваном и Афанасием, последовал за Карлом XII и Мазепой в турецкие владения. Там, по поручению Войнаровского, Григорий Герцик отвозил тело умершего гетмана Мазепы в Галац** для погребения, потом Орлик посылал его к запорожцам с девятью кесами (кошельками), из которых в каждом было по 500 левков, всего 4 500 левков; потом Герцик был отправлен вместе с Горленком в числе других в посольство, снаряженное в Константинополь. Вспоминая об этом времени, Герцик в своем показании сообщает интересное известие, показывающее, что между мазепинцами, пребывавшими тогда в турецких владениях, не было взаимного доверия. Отправляя посольство в Константинополь, Орлик составил три инструкции: одну представил он шведскому королю, и в ней старался сколько возможно подделаться к нему; другая составлена была для Турции: там просили Порту оказать протекцию, дать денег и провианта и, сколько помнилось Герцику, посылалось обещание верности Порте. Третья инструкция была секретная, известная только Орлику да Максимовичу, бывшему тогда в звании генерального писаря. Ни Горленко, бывший во главе этого посольства, ни Герцик, пожалованный перед тем от Орлика чином генерального асаула, никак не могли узнать, что заключалось в этой третьей инструкции, а только догадывались, что в ней было что-то такое, что укрывалось и от шведского короля. Но потом Горленко, вместе с Максимовичем, тайлись от Герцика и показывали к нему недоверие: турецкий визирь выдал на содержание козацкого войска восемь «кес» денег, но не вручил их посольству, а отправлял с агою при письме к Орлику. Горленко и Максимович достали себе латинский перевод этого турецкого письма, но не показали его Герцику. Когда шведский король уезжал из Турции, Герцик, вслед за Орликом и другими, переехал в Швецию. Оттуда-то, уже по кончине Карла XII, Орлик, не без ведома тогдашнего шведского короля, преемника Карлова, послал Герцика в Польшу с намерением, при посредстве благосклонных польских панов, заручиться ходатайством польского короля Августа перед царем о прощении изгнанным малороссиянам или же высмотреть возможность приютиться в Польше. Герцик по этому поводу рассказал в своем показании о такой проделке Орлика: он составил письмо будто бы от запорожцев к нему, призывающее его, Орлика, к себе в войско, поручил Герцику найти в Бреславле какого-то малороссиянина, по имени Костю, служившего когда-то у Войнаровского, дать ему переписать это письмо, запечатать посланною Орликом печатью и препроводить к нему, Орлику, через почту. Орлик надеялся, показавши это письмо в шведской королевской канцелярии, получить из королевской казны денежное пособие и найти лучший способ к своему отправлению из Швеции. Герцик получил от Орлика письма к запорожцам и хану крымскому, но сам не поехал с этими письмами, а с согласия пана Понятовского и с ведома королевского министра Флемминга отправил

* Те саме, що засідателі.

** Йдеться про місто на лівому березі Дунаю, відоме з XIV ст. Нині — адміністративний центр повіту Галац в Румунії, місто-порт у пониззі Дунаю, доступний для морських суден.

туда Нахимовского с Орликовыми грамотами³. Польский король, как сообщали Герцику паны, был склонен ходатайствовать у царя о прощении Орлику и его товарищам, советовал, однако, самому Орлику прекратить корреспонденции с турками, татарами и запорожцами, а написать о ходатайстве перед царем к английскому королю⁴.

Герцик содержался в Петропавловской крепости под строгим караулом до 1724 года, а с этого времени в адмиралтействе под таким же строгим караулом, получая посуточно сперва только по три копейки, а потом по шесть копеек на свое прокормление. По кончине царя Петра Первого, уже в 1727 г., Герцик бил челом, чтоб его перевели в Москву и отдали в ведомство коллегии иностранных дел, дабы можно ему было жить в Москве, где находились его жена и дети. Прошение его было исполнено в декабре 1727 же года. В мае 1728 года он жил в Москве с семьею и был отдан под строгий надзор капралу Быкову и солдату Лободину, которые должны были находиться в его помещении неотступно и смотреть, чтоб ни он, ни семья его не съехали из Москвы⁵. Жена его Анастасия Громыковна (т. е. урожденная Громыка), привезенная в Москву с тремя сыновьями, в 1722 году подавала на царское имя челобитную, жалуясь, что князь Алексей Васильевич Долгорукий, приехавши из Петербурга в Москву, нашел в своем доме поступившего туда на службу ее сына Петра, запер его в бане, держал его таким образом шесть недель, подвергая истязаниям, наконец, отправил в Преображенский Приказ к розыску. Молодой Герцик сидел «в бедности» и был помечен в ссылку в Сибирь. О его освобождении и о доставке из Преображенского Приказа в Посольский, ведавший всех малороссиян, била челом его мать⁶. Известно, что после того с ним случилось, как равно неизвестно, в чем был он обвинен и за что послан был в Преображенский Приказ. Но в 1728 году, когда Григорий Герцик был водворен в Москве и жил вместе с семьею, в числе лиц, составлявших его семейство, мы встречаем жену его Анастасию Васильевну, четырех детей: Василия, Семена, Павла и Параскевию, но о сыне Петре нет помина. При Григории Герцике значатся двое лиц прислуги.

Еще до перевода своего мужа на жительство в Москву, в 1724 году била челом Анастасия Герцикова о дозволении воротиться на родину, но не получила такой милости⁷.

Вступление на престол государыни Анны Ивановны* не ознаменовалось никаким знаком милосердия к Герцику. В 1732 г. умерла жена его, а сам он тогда находился в такой нищете, что не мог ее похоронить на свой счет⁸. Оставаясь в Москве вдовцем, Григорий Герцик в 1735 году был освобожден из-под постоянного караула и стал получать по 25 копеек в сутки. Ему предоставили жить на свободе, но в Москве, с обязательством не съезжать в Малороссию⁹.

О другой Герциковой, жене Ивана, не возвратившегося в Россию, в сенатских делах сохранилось сведение, что родитель ее, Левенец, бывший в 1727 году правителем генеральной канцелярии, бил челом о возвращении к нему дочери и не получил желаемого¹⁰.

Из всех сосланных малороссиян счастливее всех обошлось сравни-

³ Истор. Малор. Марк. IV, 350.

⁴ Киев. Стар. 1883 года, март, С. 601—610.

⁵ Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 58—1785.

⁶ Там же. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 31—1758.

⁷ Там же. Сенатск. кн. № 41—1768, С. 279, № 58—1785.

* Идетсья про російську імператрицю, племінницю Петра I Анну Іванівну (7.II. 1693—28.X. 1740), яка була запрошена Верховною таємною радою на престол в 1730 р. За Анни Іванівни відбулося дальше обмеження автономії України — гетьманська влада передана «Правлінню гетьманського уряду» тощо.

⁸ Бант.-Каменск. Истор. Малоросс. III примеч., С. 55.

⁹ Арх. Юстиц., сенатск. кн. по Малоросс. № 110—1837, С. 116.

¹⁰ Арх. Юстиц. сенатск. кн. по Малоросс. № 58—1785, С. 824—825.

тельно Дмитрию Горленку. Ему легче было переносить лишения, как мы уже указывали, а в 1731 году он получил свободу, «ради своей старости и дряхлости». Ему дозволили жить на родине, но запрещено было выбирать его в какую то ни было должность¹¹. Ограничение в сущности неважное, так как престарелый и истомленный невзгодами Горленко едва ли уже и был способен к исправлению какой-либо должности. Он окончил дни свои при нежно любимой жене Марье Голубовне и при сыне Андрее и был погребен в Густынском монастыре*.

Из фамилии Максимовичей, обвиненных за участие в измене Мазепы, мы знаем, что Дмитрий Петрович Максимович, бывший при Мазепе генеральным асаулом и отдавшийся на волю царя в день Полтавской битвы, был сослан в Архангельск, где находился у дел до 1726 года и умер в 1732 году¹². Брат его, Иван, воротившийся из Турции разом с Горленком в 1722 г., был сделан справщиком синодальной типографии; по приговору протектора Троицко-Сергиевской лавры, архимандрита Гавриила (впоследствии рязанского архиерея), поручено было ему наблюдать за библиотекою и составлять каталог; Максимович исполнял это поручение удовлетворительно¹³, но в 1726 году, по доносу какого-то лица, был удален от этих занятий в виду того, что был прежде прикосновен к измене Мазепы. По освобождении его товарища Горленка Максимович не был, подобно последнему, отпущен на родину, но оставался в Москве, получая на свое содержание по 25 копеек в сутки¹⁴. О сыновьях умершего в Архангельске Дмитрия Максимовича, Федоре и Иване, известно, что они оба, находясь на царской службе, хлопотали о возвращении себе отцовских маетностей, розданных разным лицам и доставшихся, между прочим, частью и самому Скоропадскому. Хлопоты их были безуспешны; они не могли обелить память своего родителя, уверяя, что, будучи увлечен обманом в шведский стан, он принимал всякие меры, чтоб уйти оттуда и писал к разным государственным сановникам, сообщая в своих письмах из неприятельского стана известия, полезные для русского войска. На такое заявление Федору и Ивану Максимовичам дан был такой официальный ответ. В коллегиях иностранных дел не сохранилось сведений о том, чтоб отец их Дмитрий Максимович из шведского войска к государственному канцлеру и к князю Меншикову и к прочим бывшим тогда министрам писал о благопотребных тогда ведомостях к российской стороне, а может быть что и писал, но во время турецкого похода при реке Пруте бывшие при походной посольской канцелярии все такие письма утрачены¹⁵.

Более всех из опальных малороссийских семейств того времени представляет интерес богатством и оригинальностью домашней жизни событий семейство Мировичей. Старуха Пелагея Захарьевна, вдова переяславского полковника Ивана Ивановича, доставлена была, как выше сказано, с детьми и внуками на житье в Москву и принуждена была посылать к сыну Федору, находившемуся за рубежом, увещательное письмо, которое не произвело влияния. Федор Мирович хотя в начале и обращался вместе с Горленком к патриарху с просьбою о ходатайстве перед царем, но потом не прибыл в Россию по асsekurations, выданной Горленку с товарищами, а последовал за Карлом XII. Это воспрепятствовало освобождению его матери и братьев из Москвы. Мировичи, удержанные в столице, были размещены по разным дворам

¹¹ Там же, Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1731 г., № 90—1817, С. 13.

* Згаданий тут монастир (у с. Густині, тепер Прилуцького району Чернігівської області) відомий як один з осередків ідейної боротьби на Україні проти католицької реакції. В ньому складено український літопис під назвою «Кройніки» про історію України з часів Київської Русі до 1597 р.

¹² Там же. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1826 г., № 46—1773.

¹³ Там же. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1727 г., № 58—1785, с. 662.

¹⁴ Там же. Сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1736 г., № 110—1837, с. 114—115.

¹⁵ Арх. Юстиц., сенатск. дела по Малоросс. экспед. 1732 г., № 95—1822.

под надзор учрежденного над ними караула. Но вот 4 июля 1715 г. в Посольском приказе одна женщина, иноземка, жена занимавшегося парикмахерским ремеслом мастера, заявила, что ее знакомая, жена сосланного малороссиянина Василия Мировича, хочет объявить о каком-то противогосударственном умысле своего мужа.

Доставили указанную особу в Посольский Приказ. Это была дочь бывшего киевского полковника Мокиевского, Анна Константиновна, жившая с мужем дурно¹⁶. Она доносила, что муж ее, Василий Иванович Мирович, собирается убежать за границу и посылал служившего у него шведа Ирика к своему брату Федору сказать ему, чтоб он не ездил в Россию, и что сам Василий с братьями будет искать способов убежать к нему¹⁷.

Позвали к допросу Василия Мировича. Он отрицал все, что показывала на него жена его, объяснял, что швед Ирик Витман служил у него с год и по его желанию отпущен, потом он приходил в гости к другим иноземцам, состоявшим в прислуге у него и у брата его Якова. Швед этот, вероятно, в Москве, так как он его недавно встретил у Чистых прудов. Он, Василий, желал бы, чтоб этого шведа поставили с ним на очную ставку¹⁸. После этого показания Василий Мирович заявил секретарю Павлу Шафирову и Михайлу Ларионову, что он научал этого шведа нарочно сказать жене его и кухарке-иноземке, будто он отправляет его, Ирика, в шведскую землю отдать поклон брату Федору, а это сделал он только затем, чтоб испытать жену — станет ли она объявлять о том или нет¹⁹. Этим не кончились допрашивания Василия Мировича. Возникли подозрения по поводу сношений его с пленными шведами²⁰. Отыскана была, при обыске, произведенном у него, переписка с каким-то лейтенантом, заметили в письме Василия Мировича неясные выражения, возбуждавшие двусмысленные толкования; при письме, кроме того, приложены были записочки на шведском языке, которые для перевода их на русский язык нарочно посылались в Петербург²¹. Тем временем отыскивали шведа Ирика Вит-

¹⁶ Показ. Анны Константиновны: Арх. Юстиц. сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 137—1864, С. 610—613.

¹⁷ Там же. (Текст документа знято, бо він переказаний автором.— Ю. П.).

¹⁸ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 134—1864, С. 614—620.

¹⁹ Там же.

²⁰ Арх. Юст., сенатск. дела по Малоросс. экспед., кн. № 137—1864, С. 604—609.

Василий Мирович показал: наперед сего с прибытия нашего в Москву со шведскими офицеры и с их служителями знаемости совершенной и разговоров, противных стороне царского величества, ни с кем он не имел, а бывал в компании для гулянья в слободе Немецкой, ездя з Посольского двора с солдатами, а именно в доме майора Кольберга с пять раз, где были многие иноземцы и шведские офицеры, а именно поручик Люндиюль, учитель Александра Ивановича Головина, да поручик Панфельт, который ныне в Сибири, и иные, которых имен не знает, и в доме генерала Инфлянта и у детей его, и тут прихаживали шведские офицеры, а кто имяны того не знает, только противных разговоров он не имел ни с кем и писем никаких в шведскую сторону к брату своему и ни к кому ни о чем во всю бытность свою в Москве не посылал и никому шведам не отдаывал и словесно противного ничего не приказывал.

²¹ Перевод латинского письма к какому-то лейтенанту:

Р. S. Доношу такожде: по отъезде вашем третьего месяца наша свобода пременялась в плен, в иные перевели нас дворы, мы два с Яковом братом живем на одном дворе, прочая братия на другом; из двора никуда не пушают, ни к нам; разве по прошению солдат можем с приятели в ночи поговорить и сойтись нечастым временем посетити и то с великою трудностию и опасением бывает.

Так скоро вороны как прежде лебеди были, и так живем как птица в обороне без крыл или художник какой без снасти, так и мы живем без компании, как русаки от собачия суть близкие или голова без разсуждения, которая статейки... предай огню! Довольно разумному! Превосходительство ваше такожде брат мой добрым здоровьем и поведением поздравляет и услуги любве предпосылает Яков Мирович што больши цветами светлый давно без почтения компаней обретається и великою меланхоли себе предал, что болезнь тому припала, которого ныне лечат докторы.

А по шведски писаное на двух лоскутках переведено в Санктпетербурге, а по переводу написано:

1. Короля да сохрани и защиты своєю рукою, жизни его время умножи.

мана. По распоряжению адмирала Апраксина, он был взят в городе Або в Финляндии, где определился служить у шведского офицера, надеясь с ним воротиться в отечество. По требованию государственной посольской канцелярии, его доставили в Санктпетербург. Там сняли с него показание: выяснилось, что он служил в шведской армии рейтаром, был взят в плен под Полтавою и отправлен на работы. Прапорщик Миронов отпустил его на свободу, заменив в списке другим пленным шведом. Он находился в услужении сперва у одного шведского офицера, а потом пробыл целый год у Василия Миновича. Живучи у последнего, узнал он, что у него есть брат за границею, и сам Василий Минович говорил, что если б ему не жаль было матери и жены, то ушел бы за границу к брату. Когда же Ирик отходил от Миновича, то последний поручил ему, если увидит брата, передать от него, Василия, чтоб он не возвращался в Россию, а оставался бы в чужом крае, потому что те, которые от шведа воротились, содержатся под караулом.

29 января 1716 года Ирик Витман из государственной посольской канцелярии прислан был в Москву в Посольский Приказ, а 21 февраля того же года поставлен на очную ставку с Василием Миновичем.

Швед уличал Василия Миновича в произнесении желания уйти к брату за границу. Василий Минович заперся. Василия Миновича подвергли пытке, и не один раз, а два раза сряду. Он во всем повинился, но утверждал, что его мать и братья ничего про то не знали. О двусмысленных выражениях, которые находили в его письме к пленному шведскому офицеру, он отзывался, что то писано было только для забавы²².

После всех вопросов и пыток Василий Минович был закован в кандалы и отослан в Сибирский Приказ для отправки в дальние сибирские города на работу, а мать его Пелагея Захарьевна с дочерью Мариною, с женатым сыном Семеном и его женою Еленою, с их детьми Григорием и Ульяною, и, кроме того, с холостыми сыновьями Яковом, и Дмитрием, и Иваном последовала в Тобольск и там была водворена на вечное житье. Доносчица, жена Василия, получила свободу и отпущена в Украину, с письмом к гетману Скоропадскому, которому поручено было пристроить ее у ее родственников.

Василий Минович, сосланный неизвестно в какой дальний сибирский город, вступил вторично в брак с сибирячкой дворянкой Марьей Федоровной Фефиловой и умер в 1732 году, оставивши после себя сына от второго брака, Степана, который не ранее, как уже в 1747 году получил дозволение жительствоваť во всех местах Российской империи с обязательством не выезжать за границу²³.

Пелагея Захарьевна Минович пробыла в ссылке в Тобольске двадцать восемь лет. Воцарялись одни за другими на русском престоле: Екатерина I, Петр II, Анна Иоановна, оказывались разные милости, и никто не вспомнил об этих отверженных малороссиянах; облегчал их судьбу только зять Пелагеи Захарьевны, Лизогуб, владевший маестностями Миновичей, порученными ему в досмотр с обязательством содержать тещу и ее семейство в ссылке²⁴. Не ранее как по воцарении

2. Аз окаянный и грешный человек во грехе зачатый и рожденный и потому во гресех днех живота моего.

3. От Бога отлучатися не хошу, понеже и он от меня не отлучается; он будет меня по...

²² Арх. Юст., сенатск. дела по Малоросс. экспедиц. 1716 г., кн. 137—1864, С. 640—642 (Текст документа знято, його зміст докладно переказаний автором.— Ю. П.).

²³ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., кн. № 150—1877, С. 386.

²⁴ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., кн. 41—1768, С. 286.

Из челобитной Лизогуба: Чтобы мне с тех же маестностей всякое ей теще моей Миновичевой с детми в пищи и одянии чинити вспоможение, и я оные маестности в собственном моем заведывании лет семь имевши знатным моим старанием и працею во всем господарстве устроилем развод и приобретение; из того по указу и по моей

Елисаветы, да и то не тотчас, блеснула заря освобождения для этого опального семейства. 21 января 1744 года состоялся сенатский указ об освобождении, по силе всемилостивейшего манифеста 15 декабря 1741 года, Пелагеи Захарьевой Мировичевой с сыном Димитрием²⁵. Прочих сыновей уже не было на свете. 21 мая 1745 года Пелагея Захарьевна, находясь уже в Москве, подала челобитную, чтоб ее за старостью и дряхлостью отпустить в Малую Россию к свойственникам для пропитания и дать ей из правительствующего сената паспорт. На эту челобитную последовало разрешение. Опальные возвратились на родину, но с принятием мер, чтобы они не сносились с Федором Мировичем и ни с кем из пребывающих за границею, под опасением лишения живота²⁶.

От старшего сына Мировичевой, Семена, умершего в 1726 году, остался сын Григорий, который воспитывался у бабки: с 1743 года был на службе в Сибири, а в 1743 году отпущен с правом жительствова-ть и служить, где пожелает²⁷.

Кроме Пелагеи Захарьевны и ее детей и внуков, бывших в ссылке в Сибири, находились в России сыновья пребывавшего за границею мазепинца Федора, Петр и Яков. О них остались нам такие сведения: в 1724 году они, по доносу Данила Забелы (прославившего свое имя целым рядом доносов), были привлечены к политическому делу черниговского полковника и наказного гетмана Павла Полуботка*, их родного дяди по матери. На допросе, которому они были подвергнуты, они показывали, что не знают за их дядею Полуботком злого умысла и противности его императорскому величеству. Указом 4 февраля 1725 года императрица Екатерина I повелела: «Полуботковых племянников, братьев Мировичей, которых отец находится в измене, определить в школы или в академию, в какое дело будут достойны по рассмотрению директоров, а в Малую Россию не отпускать никогда»²⁸. Далее мы узнаем, что Петр Мирович стал секретарем царевны Елисаветы Петровны, в 1729 году отправился по паспорту в Малороссию и, не

должности помянутой старой Мировиче с детьми ее для пропитания из того потребную грошми и запасами разными чинилем посылку...

²⁵ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., кн. № 31—1758, С. 283.

²⁶ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., кн. № 137—1864, С. 675—676 и № 150—1877, С. 624.— По челобитной малороссийской бывшей полковницы перьяславской Пелагеи Мировичевой с сыном ее Димитрием, которую объявляет, что блаженныя и вечно достойные памяти всеражайшего родителя ее императорского величества Петра Первого указом в 1712 году взята она со всем ее домом в Москву, а в 1716 году послана в ссылку в Сибирь, где через двадцать восемь лет обрелась, и при счастливейшем восшествии на наследный престол ее императорского величества по всемилостивейшим имянным ее императорского величества указам с прочими она из той ссылки освобождена, и просит, чтобы с сыном ее Димитрием за старостью и дряхлостью ее отпустить в Малую Россию к свойственникам ее для пропитания и для того бы дать ей из правительствующего сената пашпорт. И по справке в Сенате она полковница Мировичева с детьми послана в Сибирь за измену сына ее Федора Мировича, который ныне в Россию не возвратился. Приказали: вышеписанной бывшей полковнице Мировичевой и сыну ее Димитрию для проезда их в Глухов дать пашпорт, с которым явиться им в Малой России в министерской канцелярии, а той канцелярии велеть оную вдову Мировичеву и сына ее обязать крепко с подпискою с знатными поруками, чтоб они за границую никуда не отъезжали и никакой бы с вышеупомянутым сыном ее Федором Мировичем или с кем заграничными жители корреспонденции не имели под лишением живота; буде же в том по них знатных порук не будет, то выслать их для житья в Москву немедленно, и что учинено будет, в Правительствующий Сенат репортовать. И о том в генеральную войсковую канцелярию послать указ.

²⁷ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., 1744 г., кн. № 137—1864, С. 663—664.

* Идется про чернігівського полковника, а в 1722—1723 рр. наказного гетьмана Лівобережної України Павла Леонтійовича Полуботка, що очолює старшинську верхівку, яка домагалася відновлення гетьманства та ліквідації Малоросійської колегії. Викликаний до Петербурга, Полуботок був ув'язнений в Петропавлівській фортеці, де й помер 29.XII. 1723 р.

²⁸ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 96—1823, С. 517.

явившись обратно в срок, вел тяжбу с своими двоюродными братьями Полуботками об имени²⁹, а Яков находился при подстолии * Великого Княжества Литовского, Антония Потоцком, его секретарем³⁰. В 1732 году оба брата, Петр и Яков, неизвестно за что и откуда, были отправлены в Сибирь и определены там в службу в звании детей боярских³¹. В 1735 году Петр Федорович был воеводою в Енисейске; находясь в этом звании, он сообщил Миллеру ** рукописный экземпляр Сибирской летописи, которая в настоящее время издается археографическою комиссиею. В 1743 г. оба брата были освобождены с правом поступить в службу, куда пожелают³².

Яков Минович был, по его желанию, назначен воеводою в гор. Кузнецк, Сибирской губернии³³, а Петр был сперва определен экзекутором при св. синоде, а потом, согласно своему желанию, воеводою в гор. Енисейск³⁴. Известие, приведенное нами выше о Сибирской летописи, показывает, что он уже там был прежде и отпросился на знакомое место. Видно, он сжился с сибирским краем, когда сам добровольно пожелал туда воротиться, а не просил о водворении на родине. Сын кузнецкого воеводы, подпоручик Василий Яковлевич, был казнен смертью 15 сентября 1764 года на Петербургской стороне в С.-Петербурге за попытку освободить заточенного в Шлиссельбурге императора Иоанна Антоновича.

Когда уже семейство Миновичей томилось в ссылке, виновник всех его злоключений Федор Минович не хотел искать царского прощения, и с другими, уже немногочисленными мазепинцами продолжал бесплодные усилия освободить Украину от Российской державы. Мы выше упомянули, что он из Швеции перебрался вместе с Нахимовским в Польшу, вслед за возвратившимся туда сторонником Карла XII, Понятовским. Это произошло в 1719 году. С той поры Федор Минович нашел себе приют у князей Вишневецких. Он был помещен гостеприимными владельцами в особом, уступленном ему дворе и имел собственную козацкую команду, предоставленную ему в распоряжение. Сыновья его, как уже было показано, пребывали в России. В 1732 году Федор Минович писал к гетману Данилу Апостолу, что сын его Яков был у отца во время прошедшего Гродненского сейма, и сообщал родителю, что гетман вообще милостив к нему и к его брату. Минович благодарил гетмана за внимание к его детям³⁵. Письмо свое он отправил с козаком своей команды и с ним же послал письмо к своему зятю, генеральному обозному Лизогубу, касавшееся его семейного дела³⁶. Гетман, получивши эти письма, задержал привезшего их козака и сообщил в коллегію иностранных дел. О том же доносил в коллегію живший при гетмане царский резидент Тургенев. Коллегія, не видя ничего политического в письмах изгнанника, порешила отправить козака назад и приказать ему словесно сказать Миновичу, что с ним, как с изменником, не дозволяется никому из российских подданных вести сношений, а потому пусть он вперед не отправляет в Россию никаких посылок³⁷.

Підготовка тексту до друку і примітки Ю. А. Пінчука

(Далі буде)

²⁹ Там же, С. 144—145.

* Один з чинів придворної служби.

³⁰ Там же, С. 317.

³¹ Там же № 132 — 1859. С. 328—330.

** Г. Ф. Миллер (18.X.1705—11.X.1783) — историк і археограф, член Петербурзької Академії наук з 1731 р.; автор відомої праці «История Сибири».

³² Там же, С. 329.

³³ Арх. Юст. сенатск. кн. по Малоросс. экспед. 1743 г., № 132—1859, С. 331.

³⁴ Там же, С. 341.

³⁵ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., № 96—1823, С. 306—307.

³⁶ Там же, С. 308—309.

³⁷ Там же, С. 310—311. В указе гетману Апостолу из коллегіи.